

«Испытание сознания» («Испытание совести»)

Для духовной жизни многих людей обычай испытания совести не имеет большого значения. Так происходит по целому ряду причин, но все они сводятся к допущению (редко явному), будто испытание совести лишено непосредственной практической ценности в контексте насыщенного, делового дня. Основная мысль этой статьи заключается в том, что в основе всех этих причин и проистекающего из них ложного следствия лежит неправильное понимание этого духовного обычая. Испытание следует рассматривать в тесной связи с различением духов. Это ежедневное интенсивное упражнение на различение духов в жизни человека.

Испытание сознания

Сегодня для многих людей жизнь – это, если хотите, спонтанность. Если спонтанность уничтожается или исчезает, то и сама жизнь становится как бы мертворожденной. С этой точки зрения, испытание совести – это проживание жизни вспять в отрыве от спонтанности и непосредственности жизненного опыта как такового. Сегодня такие люди едва ли согласятся с утверждением Сократа, что непроанализированная жизнь не стоит существования. Для них Дух – в спонтанном, а потому все, что мешает спонтанности – не от Духа.

Подобный взгляд не учитывает того, что в нашем сознании и опыте живут две спонтанности, одна благая и богоугодная, вторая дурная и не богоугодная. Эти два типа спонтанных побуждений и порывов присутствуют в каждом человеке. Очень часто бывает, что остроумный, разговорчивый человек, который может быть очень забавен, все время находится в центре внимания и слывет очень спонтанным и непосредственным, явно действует не под влиянием благой спонтанности и не ее выражает своим поведением. Для людей, жаждущих возлюбить Бога всем своим существом, задача состоит не просто в том, чтобы допускать спонтанное, но, скорее, в том, чтобы уметь анализировать разнообразные спонтанные побуждения и давать полное экзистенциальное утверждение лишь тем спонтанным чувствам, которые исходят от Бога и служат Ему. Для этого мы допускаем в свою повседневную жизнь истинно одухотворенную спонтанность. Но мы должны познать чувство этой истинно одухотворенной спонтанности. И в этом познании испытание совести играет центральную роль.

Когда испытание связано с различением, оно становится скорее испытанием *сознания*, чем испытанием совести. В испытании *совести* присутствовал некий узко-моралистический подтекст. Его главным предметом были наши хорошие и дурные поступки, совершенные за день. Главный предмет различения – не моральная сторона наших дурных и хороших поступков; скорее, это божественные влияния и побуждения (зачастую довольно спонтанные!), которые мы ощущаем в глубине своего сознания. То, что происходит в нашем сознании, предшествует по времени и по важности нашим поступкам, которые могут быть названы хорошими или дурными. Каким образом мы ощущаем «влечение» Божие (Иоанн 6, 44) в своем собственном экзистенциальном сознании? Каким образом наша греховная природа незаметно соблазняет нас и манит прочь от близости с Богом посредством едва различимых побуждений нашего сознания? Ответы на эти вопросы и должны быть основным предметом нашего ежедневного испытания. И лишь во вторую очередь мы должны заниматься размышлениями о том, как мы ответили на эти побуждения *действием*. Посему здесь мы займемся испытанием *сознания*, дабы научиться содействовать прекрасной обитающей в нашем сердце спонтанности, которая есть прикосновение Бога и побуждение Духа, и допустить ее в свою жизнь.

Испытание и духовная идентичность

Испытание, о котором мы говорим здесь, это не поиск самосовершенствования в духе Бенджамина Франклина. Мы говорим об опыте веры, который заключается в углублении чувствительности к уникальным, глубоко индивидуальным средствам, при помощи которых

Дух Божий приближается к нам и зовет нас. Разумеется, такой рост чувствительности требует времени. Но в этом смысле испытание для нас есть ежедневное обновление и развитие нашей духовной идентичности. Каждый день оно раскрывает в каждом из нас уникальную личность человека из плоти и духа, которого Бог любит и зовет, взывая к миру его чувств. Чтобы совершить испытание, нам необходимо встретиться со своей собственной уникальной идентичностью, подражая Христу перед Богом.

И все же очень часто наше ежедневное испытание становится настолько общим и туманным, что наша уникальная духовная идентичность, кажется, не играет в нем никакой роли. Испытание обретает подлинную ценность лишь тогда, когда превращается в ежедневный опыт встречи с нашей уникальной духовной идентичностью и ее обновления, в переживание тонких побуждений Божиих к углублению и развитию этой идентичности. Всякий раз мы должны совершать испытание, постигая свою духовную идентичность настолько точно, насколько это доступно нам на данный момент. Человек совершает его не как *всякий* христианин, но как данный конкретный христианин, обладающий в своей вере уникальным призванием и даром.

Испытание и молитва

Испытание – время молитвы. Оно чревато очень реальной опасностью впасть в пустую рефлексию и нездоровый эгоцентричный самоанализ. С другой стороны, недостаток усилия при испытании совести и привычка руководствоваться тем, что приходит к нам естественным образом, ведут к поверхностности и нечувствительности к тонким и глубоким побуждениям Божиим в недрах нашего сердца. Молитвенная глубина и плодотворность испытания как такового зависят от его связи с нашей непрестанной созерцательной молитвой. Без такой связи испытание соскальзывает на уровень рефлексии ради самосовершенствования, если и совершается вообще.

Во время ежедневной созерцательной молитвы Бог осторожно являет нам порядок (order) тайны всего сущего во Христе. Как говорит Павел Колоссянам, «благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников» (Кол 1, 27). Созерцающий тонко, в основном невербально, и многообразно переживает это откровение Бога во Христе. Присутствие Духа воскресшего Иисуса в сердце верующего позволяет ощутить и «услышать» призыв найти свое место (order oneself) в этом откровении. Созерцание пусто, если мы не откликаемся на него подобным поиском своего места перед Богом.

Такое благоговейный, послушный («покорение вере», о котором Павел говорит в Рим 16, 26) и неморалистический поиск своего места перед Богом (ordering) и становится плодом ежедневного испытания – которое помогает нам ощущать и распознавать те внутренние побуждения Божии, которые изо дня в день направляют и углубляют этот поиск (ordering), и не поддаваться тем коварным наущениям, которые ему противостоят. Без такого созерцательного соприкосновения с божественным откровением действительности во Христе, как в формальной, так и в неформальной молитве, ежедневное испытание становится пустым; оно становится бесплодным и умирает. Когда мы не «прислушиваемся» к тому, как Бог открывает нам свои пути, столь не похожие на наши собственные (Ис 55:8–9), испытание опять же превращается в обычное человеческое развитие и естественное самосовершенствование, или, что еще хуже, вырождается в эгоистичный поиск наших собственных путей.

Испытание без постоянного созерцания пусто. Отсутствие постоянного созерцания истощает прекрасный и богатый опыт ответственного поиска своего места перед Богом (ordering), к которому Бог непрестанно побуждает созерцающего. Верно, с другой стороны, и то, что в нашей жизни созерцание без постоянного испытания становится раздробленным, поверхностным и мелким. Время формальной молитвы может стать для нас глубоко священным временем дня, но настолько обособленным от всех остальных аспектов нашего существования, что молитва (умение находить Бога во всем) не будет затрагивать уровень нашей реальной жизни. Испытание сообщает нашему ежедневному постижению Бога в созерцании подлинную связь с нашей повседневной жизнью; это важное средство обретения Бога во всем и не только во время формальной молитвы, как я объясню в заключение этой статьи.

Различающее видение сердца

Когда мы впервые знакомимся с испытанием и совершаем его, оно кажется надуманным, искусственным. Проблема не в испытании-молитве, но в нас самих; мы – новички; процесс индивидуального распознавания духов, выражающегося в ежедневном испытании совести, еще не стал органичной частью нашего «я». Пока мы новички, пока такая интеграция не произошла, некое упражнение или процесс могут быть очень ценными и все же казаться нам формальными и надуманными. Это не должно смущать нас. Это неизбежные переживания новичка и «старичка», приступающего к испытанию заново.

Но наше понимание испытания всегда будет глубоко неверным, если мы не поймем цель этого упражнения. Испытание есть особое упражнение, конечная цель которого – развить в нашем сердце различающее видение, которое действует не пятнадцать и не тридцать минут в день, а постоянно. Это Божий дар – и дар важнейший, что очень хорошо понимал Соломон (3 Цар 3, 9–12). Посему мы должны постоянно молиться об этом даре, но также быть внимательными к его развитию в нашем сердце. Для его развития необходимо постоянно совершать испытание совести.

Потому и пять пунктов этого упражнения, представленных в «Духовных упражнениях» св. Игнатия Лойолы (№43), следует рассматривать – и последовательно, с верой, переживать – как аспекты христианского сознания, которое создается действием Божиим в нашем сердце и развивается, встречаясь с этим миром и со всякой действительностью вообще. Если мы позволим Богу постепенно преображать наш разум и сердце в разум и сердце Иисуса, дабы стать истинными христианами благодаря тому жизненному опыту, который мы обретаем в этом мире, то испытание совести с отдельными своими элементами, предстающими теперь как единство различных аспектов нашего собственного сознания, взирающего на мир, становится куда более естественным для нашего мироощущения и кажется куда менее надуманным. Поэтому не существует идеального промежутка времени, который можно было бы произвольно установить для каждого из пяти пунктов испытания. Скорее, испытание служит ежедневным естественным выражением духовного состояния нашего сердца. То один, то другой пункт может удерживать наше внимание дольше других.

Уже в зрелые годы, под конец своей жизни, Игнатий всегда изучал каждое движение и побуждение своего сердца, то есть различал его соответствие или несоответствие своему истинному, христоцентричному «я». То было следствие ежедневного испытания совести, этого регулярного и глубокого упражнения-молитвы. Будь мы новички или «старички», мы должны понимать цель одного или двух ежедневных пятнадцатиминутных испытаний совести (а именно постоянное различающее видение сердца) и необходимость постепенной адаптации испытания совести к ступени нашего роста и к той ситуации в мире, в которой мы находимся сейчас. И все же все мы сознаем, каким заблуждением было бы оправдывать отказ от испытания тем, что мы будто бы уже «достигли» способности сердца к постоянному различению. Такого рода оправдание помешало бы нам, преисполнившись веры, и далее углублять свою чувствительность к путям Духа Святого в нашей повседневной жизни.

Давайте теперь рассмотрим план испытания, представленный св. Игнатием в «Духовных упражнениях» (№43), но в свете всех предшествующих замечаний об испытании как действии различающего сознания в мире.

Молитва о познании

В «Упражнениях» св. Игнатия первым пунктом испытания служит благодарение. Если бы мы поменяли местами первые два пункта, это почти не сыграло бы никакой роли. В сущности, я бы даже рекомендовал молитву о познании как хорошее введение ко всему испытанию.

Испытание совести – не просто вопрос нашей естественной способности вспоминать и анализировать некую минувшую часть дня. Это вопрос постижения нашей жизни под водительством Святого Духа и смелой, отзывчивой восприимчивости к божественному зову в нашем сердце. Мы все глубже благодарно постигаем тайну самих себя. Но без даруемого Богом откровения такое постижение невозможно. Мы ни в коем случае не должны замыкаться в мире своих собственных естественных способностей. Наш технологически развитый мир особенно опасен в этом смысле. Обладая глубокой чувствительностью к межличностному, наша христианская вера переступает границы «здесь и сейчас» с их ограниченными

естественными причинно-следственными связями и находит Бога, который все любит и действует во всем и посредством всего и все превосходит. По этой причине мы начинаем испытание с искренней просьбы о познании, которое произойдет при помощи наших естественных способностей, но которого они никогда не смогли бы дать нам сами по себе: мы просим о том, чтобы Дух позволил нам чуть лучше увидеть себя такими, какими видит нас Бог!

Осмысленная благодарность

Наша, христианская, позиция в мире – это позиция нищих, не обладающих ничем, даже собой, но в то же время каждый миг обретающих дары во всем. Когда мы чрезмерно увлекаемся собой и отрицаем неотъемлемо присущую нам нищету, мы теряем свои дары и либо начинаем требовать того, чего, как нам кажется, заслуживаем (что часто приводит к гневному разочарованию), либо любезно принимаем как должное *все*, что получаем. Лишь истинно нищий человек способен оценить малейший дар и ошутить подлинную благодарность. Чем глубже наша жизнь пронизана верой, тем яснее мы сознаем, насколько мы бедны и щедро одарены, и сама жизнь превращается в смиренное и радостное благодарение. Постепенно это должно стать частью нашего неизменного христианского сознания.

После вводной молитвы о познании в нашем сердце должна остаться подлинная, проникнутая верой, благодарность Богу за дары, которые мы обрели за минувший отрезок дня. Возможно, спонтанно воспринимая происходящее, мы не осознаем некоторое событие как дар, но теперь, совершая это упражнение, эту молитву-размышление (*reflective prayer*), мы видим произошедшее в совершенно иной перспективе. Наша неожиданная благодарность – теперь акт смиренного, бескорыстного нищего – готовит нас к тому, чтобы в будущем яснее различать дары в спонтанности происходящего. Наша благодарность должна быть сосредоточена на конкретных, уникальных, личных дарах, которые обретает каждый из нас, – как больших и явно значительных, так и совсем маленьких и внешне несущественных. В нашей жизни есть много такого, что мы принимаем как должное; Бог будет постепенно вести нас к глубокому осознанию того, что *все есть дар*. И только справедливо воздавать Ему хвалу и благодарность!

Практический обзор поступков

Совершая этот, третий, пункт испытания, мы обыкновенно сразу же принимаемся рассматривать в конкретных подробностях те дела, которые мы совершили за истекшую часть дня, дабы зафиксировать их как хорошие или плохие. Но именно этого и не следует делать! Здесь наша главная задача с верой рассмотреть то, что происходило с нами и внутри нас со времени последнего испытания совести. Важнейшие вопросы состоят в том, что совершалось в это время внутри нас, как действовал в нас Бог и что от нас требуется. И лишь во вторую очередь мы должны рассмотреть свои собственные поступки. Эта часть испытания предполагает, что мы уже стали восприимчивы к нашим глубинным чувствам, настроениям и малейшим побуждениям и не пугаемся их, но научились относиться к ним поистине серьезно. Именно здесь, в глубине наших переживаний, порой очень спонтанных и сильных, а по временам и весьма туманных, Бог движет нами и общается с нами глубже всего. Эти внутренние настроения, чувства, побуждения и движения и есть те самые «духи», которых мы должны анализировать, различать, дабы распознать обращенный к нам божественный призыв, звучащий в глубине нашего существа. Как мы говорили выше, испытание – важнейшее средство такого различения для нашего духовного сознания.

Это предполагает такой подход к жизни, который поистине зиждется на вере: жить – значит сначала прислушиваться, а затем действовать в ответ. Основная позиция верующего – это позиция слушающего. Он прислушивается к тому, что говорит ему Бог. Есть множество способов и уровней различения слова и воли Божией, открывающихся верующему. И верующий всегда должен отвечать на них Павловым «покорением вере». Это позиция восприимчивости, повиновения и бедности, позиция того, кто всегда нуждается, всецело зависит и сознает свою тварность¹.

¹ David Asselin, S.J., “Christian Maturity and Spiritual Discernment,” *Review for Religious*, 27 (1968): 594.

Отсюда и великая потребность во внутреннем покое, мире и горячей восприимчивости, настраивающей нас на то, чтобы во всякий миг и во всякой ситуации слушать слово Божие, а *затем* отвечать на него действием. И вновь в мире, который в основном держится на «активности» (переходящей в активизм), «продуктивности», «эффективности» (в то время как для царствия Божия важны плоды), этот взгляд, основанный на вере, на каждом шагу встречается со скрытым, а то и явным, вызовом.

Посему в первую очередь нас должны заботить те едва уловимые, сокровенные, эмоциональные средства, при помощи которых Бог обращался к нам в последние несколько часов. Возможно, мы не узнали зов Божий в тот момент, но теперь мы видим ясно и прямо. Во вторую очередь нас должны заботить наши собственные поступки как *ответ* на зов Святого Духа. Очень часто наши действия становятся для нас первичными, и мы перестаем переживать свои поступки как ответ. Мы начинаем сами себя побуждать и сами собой руководить, вместо того чтобы подчиняться побуждениям и водительству Святого Духа (Рим 8,14). В этом сказывается некий недостаток веры и неумение жить как сын Божий или дочь Божия. В свете же веры именно то, в какой мере наши действия служат *ответом* на зов Божий, – а не сами эти действия как таковые, – имеет значение для Царствия Божия.

Совершая этот общий обзор, мы не должны пытаться восстановить в памяти каждую секунду, миновавшую со времени последнего испытания; скорее, нас должны интересовать конкретные детали и события, образующие некий рисунок и дающие нам некоторую ясность и постижение. Это подводит нас к тому, что Игнатий называет частичным испытанием.

Эта часть испытания, возможно чаще, чем всякая другая, понимается неверно. Часто она превращается в попытку «разделять и властвовать», продвигаясь вниз по списку пороков или вверх по списку добродетелей при механически спланированном подходе к самосовершенствованию. Мы посвящаем некоторое время одному пороку или добродетели, затем переходим к следующему пункту в списке. Но частичное испытание совести – не практичный, планомерный подход к совершенствованию; скорее, оно задумано как благоговейно честная, искренняя встреча со святым Духом Божиим в нашем сердце.

Когда наша любовь к Богу становится достаточно чувствительной и серьезной, мы начинаем понимать, что необходимо совершить некоторые перемены. Мы несовершенны в таких-то сферах, и нам необходимо избавиться от таких-то изъянов. Но Бог не желает того, чтобы мы справлялись со всеми нашими изъянами сразу. Обычно есть какая-то одна область нашего сердца, которую Бог особенно настоятельно призывает к обращению, всегда служащему началом новой жизни. Бог внутренне побуждает нас к совершенствованию в одной сфере и напоминает нам о том, что если мы действительно серьезно относимся к жизни в Духе, то эта сторона нашей личности нуждается в изменении. Часто это именно та область, о которой мы хотим забыть, чтобы (возможно) заняться ею позже. Мы не хотим допускать осуждающее слово Божие в эту сферу, а потому стараемся забыть ее и отвлечься, работая над какой-нибудь другой, более безопасной, областью, которая *тоже* требует обращения, но не так безотлагательно и остро, как первая. Именно в этой, первой, области своего сердца, если только мы будем честны и открыты перед Богом, мы ощутим пламя Святого Духа, взывающего к нам здесь и сейчас. Очень часто мы отказываемся видеть эту вину такой, какова она на самом деле, или пытаемся притупить ее, старательно работая над чем-нибудь другим, что мы, возможно, хотим исправить, в то время как здесь и сейчас Бог желает иного. Новичкам требуется время, чтобы стать внутренне чувствительными к Богу, прежде чем они постепенно начнут распознавать Божий призыв к обращению (возможно, требующему очень болезненной борьбы) в некоторой сфере своей жизни. Новичкам лучше посвятить некоторое время тому, чтобы понять, какого именно частичного испытания Бог хочет от них сейчас, чем просто взять некий заранее определенный изъян и начать над ним работать.

А посему частичное испытание очень индивидуально, честно и порой выливается в очень острое переживание звучащего в нашем сердце призыва Духа к более глубокому обращению. Предмет обращения долгое время может оставаться одним и тем же, но важно, чтобы мы ощущали этот обращенный к нам личный призыв. Часто это переживание божественного призыва к обращению в одной небольшой части нашего сердца находит выражение в благом, здоровом чувстве вины, которое требует тщательного истолкования и отклика для нашего дальнейшего преуспевания в святости.

Если мы будем рассматривать частичное испытание как такое личное переживание Божией любви к нам, то сможем понять, почему св. Игнатий советует нам сосредоточивать все свое сознание на этом переживании Духа Святого (чем бы оно ни было на практике, например, стремлением к вящему смирению, к готовности общаться с людьми, учитывая их нужды и убеждения, и т.д.) в два самых важных момента дня – когда мы начинаем день и когда завершаем его, – помимо времени двух испытаний совести.

В этом третьем аспекте формального испытания совести важнейшую роль играет наше возрастающее в вере ощущение собственной греховности. Это ощущение – скорее, явление духовности и веры, которое Бог открывает нам посредством нашего опыта, чем тягостно-моралистическое ощущение, исполненное чувства вины. Глубокое ощущение греховности связано с нашим возрастанием в вере и представляет собой деятельное постижение, которое всегда заканчивается благодарением, песнью «спасенного грешника». Во второй главе своей книги «Возрастание в Духе» Франсуа Рустан очень проникательно рассуждает о греховности и благодарности. Это может дать нам необыкновенно глубокое понимание второго и третьего пунктов формального испытания совести, в первую очередь в как аспектов нашего неизменного христианского сознания.

Раскаяние и сокрушение

Христианское сердце – сердце, непрестанно поющее. Но «аллилуйя» нашего сердца может быть довольно поверхностным и лишенным объема и глубины, если оно не затронуто подлинным сокрушением. Наша песнь – песнь грешников, неизменно сознающих свою подверженность собственным дурным наклонностям и все же обращающихся на путь той новизны, залогом которой служит торжество Иисуса Христа. Посему мы никогда не перестаем испытывать чувство чудесного сокрушения перед лицом нашего Спасителя.

Этот важнейший аспект *видения* нашего сердца, которое Бог углубляет в нас по мере нашего отвращения от греха, применяется здесь к характеристикам наших действий, совершенных со времени последнего испытания, особенно когда они становятся эгоистичным и неподобающим *ответом* на действие Божие в нашем сердце. Это сокрушение мы испытываем, главным образом, тогда, когда недостаточно честно и мужественно отвечаем на призыв Божий, услышанный во время частичного испытания. Это раскаяние и сожаление – никоим образом не стыд и уныние по поводу наших слабостей, но опыт веры, сопутствующий все более глубокому осознанию того, сколь велико желание нашего возлюбленного Бога, чтобы мы любили каждой частицей своего существа.

После этих рассуждений ценность ежедневного перерыва на формальное испытание совести и конкретного выражения этого постоянного чувства сокрушения, живущего в нашем сердце, должна показаться вполне очевидной и естественным образом проистекающей из третьего пункта – практического обзора наших поступков.

С надеждой принять решение на будущее

Этот, последний, пункт ежедневного формального испытания совести естественным образом вытекает из предыдущих. Естественный рост заставляет нас смотреть в будущее, которое уже готовится войти в нашу жизнь и стать ее неотъемлемой частью. Как мы смотрим в будущее в свете нашего сегодняшнего анализа недавнего прошлого? В унынии, отчаянии и страхе? Если атмосфера в нашем сердце сейчас такова, мы должны подумать почему и попытаться объяснить ее; мы должны честно признать свои чувства, связанные с будущим, а не подавлять их, надеясь, что они уйдут.

Конкретное наполнение этого заключительного пункта определит естественный ход данного конкретного испытания, которое мы совершаем сейчас. Соответственно, этот пункт принятия решения на ближайшее будущее не будет всякий раз одинаков. Если бы он всякий раз принимал одну и ту же форму, это был бы верный знак того, что мы не вникаем в предыдущие четыре пункта испытания по-настоящему.

На этом этапе испытания мы должны ощутить великое желание встретить будущее с обновленным *видением* и чувством, молясь о том, чтобы еще лучше научиться распознавать те тонкие приемы, посредством которых Бог открывает нам Себя, и слышать зов Духа в экзистенциальной ситуации будущего, а затем отвечать на него с *большой* верой, смирением и

мужеством. В особенности это должно касаться глубокого и постоянного опыта частичного испытания. На этом этапе в нашем сердце должна царить атмосфера великой надежды – надежды на будущее, основанной не на наших собственных силах, но в куда большей мере на Боге, чью славную победу во Иисусе Христе мы разделяем благодаря тому, что в нашем сердце обитает Дух. Чем больше мы уповаем на Бога и позволяем Ему руководить нашей жизнью, тем глубже мы будем ощущать подлинную сверхъестественную надежду на Бога. Мы будем ощущать ее посредством своих крайне слабых способностей, но она отнюдь не будет ими ограничена. Переживание это по временам будет вызывать чувство страха и опустошения, но в конечном итоге приносить радость и ободрение. В Послании св. Павла к филиппийцам есть целый пассаж (3,7–14), где отражен дух, венчающий формальное испытание совести: «Забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели» (3, 13).

Испытание и различение

Мы завершим эту статью некоторыми общими замечаниями на предмет испытания, как оно представлено здесь, а также различения духов. Когда испытание постигается в таком свете и так совершается каждый день, оно становится не просто кратким упражнением, выполняемым раз или два в день и не таким важным, как наша формальная молитва или деятельное переживание любви Божией в ситуациях повседневности. Скорее, оно становится упражнением, которое до такой степени концентрирует и обновляет нашу особую христианскую идентичность, что отказ от испытания должен быть для нас еще более нежелательным, чем отказ от ежедневной формальной созерцательной молитвы. Как кажется, именно таков был взгляд св. Игнатия на выполнение испытания. Он никогда не упоминал о возможности отказа от него, хотя говорил о возможной адаптации и сокращении ежедневного размышления по различным причинам. Представляется, что испытание было для него очень важным и совершенно неприкосновенным. Это кажется нам странным, пока мы не приходим к правильному пониманию испытания. Тогда мы можем настолько ясно увидеть, что испытание очень тесно связано с нашей развивающейся идентичностью и крайне важно для нашего умения находить Бога всегда и во всем, что оно станет нашим главным ежедневным молитвенным переживанием.

Для Игнатия обретение Бога во всем есть суть всей жизни. Ближе к концу своей жизни он говорил, что «всякий раз, в любое время, когда он хотел встретиться с Богом, он с Ним встречался» (Автобиография, § 99). Таков был Игнатий в зрелости: он настолько безраздельно отдал Богу каждую частицу своего существа, сказав Ему ясное и безусловное «да», идущее из самой глубины его существа, что мог в любой момент ощутить глубокий мир, радость и удовлетворение (утешение; см. «Упражнения», №316), каковые были ощущением Бога в глубине его сердца. Идентичность Игнатия на этом этапе его жизни была всецело и явно «во Христе»; Игнатий сумел, как говорит Павел, «найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона» (Флп 3, 9). Игнатий знал свое подлинное «я» и был самим собой во Христе. Умея находить Бога, когда пожелает, Игнатий обретал сего Бога любви во всем, проверяя всякое свое внутреннее побуждение, настроение или чувство на соответствие своему подлинному «я». Когда он ощущал внутреннюю гармонию (которая переживалась как покой, радость, удовлетворение) от какого-нибудь непосредственного внутреннего движения и ощущал, что верен своему подлинному, целостному «я», то знал: в этот миг он услышал обращенное к нему слово Божие. И отвечал на него со всей присущей ему полнотой смиренного мужества. Если же он обнаруживал внутренний разлад, смятение, тревогу «в глубине своего сердца» (которые следует четко отличать от противоречия «головного»²) и не ощущал своего подлинного гармоничного «я» во Христе, то считал данное побуждение «духом злым» и встречался с Богом, «идя против» духа оставленности (ср. «Упражнения» №319). Таким образом, он мог обретать Бога во всем заботливо различая все свои внутренние переживания («духов»). Посему различение духов стало для него ежедневным, очень деятельным опытом любви к Богу, которую он переживал всем сердцем, всем телом и всеми своими силами. Во всякий миг жизни он любил (находил) Бога в своей экзистенциальной ситуации с глубоким, спокойным чувством мира и радости.

² John Carroll Futrell, S.J., *Ignatian Discernment* (St. Louis: Institute of Jesuit sources, 1970), 64.

В зрелые годы Игнатий умел находить Бога в текущем внутреннем движении, чувстве или выборе почти мгновенно, потому что основное «чувство» или «стремление» его существа всецело принадлежало Богу. То, что происходило с Игнатием в зрелые годы почти моментально, от новичка может потребовать нескольких часов или дней усердной молитвы в зависимости от важности движения, которое он подвергает различению. В некоторых своих сочинениях Игнатий называет словом «испытание» эту почти мгновенную проверку внутреннего движения на соответствие его внутреннему «я» – которую он мог совершать по много раз в час. Но говорит он об испытании и в формальном, узком значении этого слова: как о пятнадцатиминутном молитвенном упражнении, выполняемом дважды в день.

Глубокая и сущностная связь между этими двумя значениями слова «испытание» и была основной мыслью всей этой статьи.

ДУ 43: Испытание совести из пяти пунктов. 1. благодарить Господа Бога за полученные благодеяния. 2. просить благодать для познания своих грехов и для очищения от них. 3. требовать отчета от своей души, сначала в мыслях, затем в словах и наконец в действиях, просматривая по порядку истекшее время, или же отдельные действия. 4. сокрушенно просить у Господа Бога прощения наших прегрешений. 5. решить исправиться с помощью благодати Божией.